АРХИТЕКТОН
ИЗВЕСТИЯ ВУЗОВ
Архитектон: известия вузов № 2 (94) / июнь, 2026 / ISSN 1990–4126
URL: http://archvuz.ru/2026_2/14
ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

ГАРНИЗОННАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ЗАСТРОЙКА НИКОЛАЕВСКА-НА-АМУРЕ. 1856–1910 гг.

Иванова Алина Павловна,

кандидат архитектуры, доцент доцент высшей школы архитектуры и градостроительства,
Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Тихоокеанский государственный университет,
Россия, Хабаровск, e-mail: iva.nova@mail.ru

Стельмакова Татьяна Олеговна,

аспирант.
Научный руководитель: кандидат архитектуры, доцент А.П. Иванова.
ассистент высшей школы архитектуры и градостроительства,
Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Тихоокеанский государственный университет.
Россия, Хабаровск, e-mail: 012862@pnu.edu.ru

УДК: 72.03(47)
Шифр научной специальности: 2.1.11
DOI: 10.47055/19904126_2026_2(94)_14
EDN: NQZWQD
Тип статьи: RAR Научная

Аннотация

В статье, основанной на материалах, впервые выявленных в архивах С.-Петербурга, Москвы и Владивостока, рассматриваются этапы развития Николаевска-на-Амуре и роль военного ведомства в формировании культурного ландшафта города в 1856–1910 гг.

Ключевые слова:

Николаевск-на-Амуре, Нижний Амур, Невельской

GARRISON AND CIVILIAN BUILDINGS OF NIKOLAEVSK-ON-AMUR. 1856–1910

Ivanova Alina P.,

PhD (Architecture), Associate Professor, Higher School of Architecture and Urban Planning,
Institute of Architecture, Construction and Design,
Pacific National University.
Russia, Khabarovsk, e-mail: iva.nova@mail.ru

Stelmakova Tatiana O.,

Doctoral student.
Research supervisor: Associate Professor A.P. Ivanova, PhD (Architecture).
Assistant Professor, Higher School of Architecture and Urban Planning,
Institute of Architecture, Construction and Design,
Pacific National University
Russia, Khabarovsk, e-mail: 012862@pnu.edu.ru

УДК: 72.03(47)
Шифр научной специальности: 2.1.11
DOI: 10.47055/19904126_2026_2(94)_14
EDN: NQZWQD
Type: RAR Scientific

Abstract

The article is based on material first discovered in the collections of Moscow, St. Petersburg and Vladivostok archives. It presents the results of the first year of the research on the development of Nikolaevsk-on-Amur and the role of the military department in the formation of the city's cultural landscape in 1856-1910 conducted within the framework of the Russian Science Foundation grant "Military theme in the architectural and spatial development of the Far East".

Keywords:

Lower Amur, Nikolaevsk-on-Amur, Nevelsky

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20354, https://rscf.ru/project/24-28-20354/ и Министерства образования и науки Хабаровского края (Соглашение № 119С/2024) «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока».

Это вторая статья «Амурского цикла», посвященного реконструкции культурного ландшафта опорных пунктов Тихоокеанской России во второй половине XIX – начале XX в. В первой статье рассматривались две конкурирующие стратегии освоения восточного побережья (Охотское море, Амурский лиман, Татарский пролив) в 1840–1855 гг.:

– «Охотский проект» Российско-Американской компании (промысловая колонизация) с факториями в Охотске, Гижинске, Аяне;

– «Амурский проект» Н.Н. Муравьёва – Г.И. Невельского (военная колонизация) с опорным пунктом в Николаевске-на-Амуре и сетью из 10 военных постов.

Цель статьи – ввести в научный оборот малоизвестный материал, связанный с развитием Николаевска-на-Амуре (генпланы и проекты гарнизонных построек).

Объект исследования: архитектурно-градостроительное наследие военно-морского ведомства в Николаевске-на-Амуре. **Предмет** исследования: процесс адаптации идеального образа военного порта и восточного форпоста Империи, транслируемого из Петербурга к местным реалиям.

Источниковой базой исследования являются: – 326 фонд РГАВМФ (Коллекция строительных чертежей), где хранится собрание карт, схем, чертежей и генпланов 1854–1869 гг., позволяющих реконструировать развитие Николаевска в исторической последовательности[1],

– 349 фонд РГВИА (оп.19), содержащий большой объем чертежей военного ведомства по Николаевску-на-Амуре и Чныррахской крепости начала XX в.[2],

– 87 фонд РГИА ДВ (Канцелярия военного губернатора Приморской области, 1843–1917 гг.) с чертежами военных и гражданских построек рассматриваемого периода[3].

Кроме того, используются источники, находящиеся в открытом доступе:

– Путевые очерки судового врача клипера «Пластун» Алексея Владимировича Вышеславцева;

– описание Николаевска-на-Амуре, лето 1859 г. [1, с. 273–278];

– Фотоальбом В.В. Ланина с видами Николаевска-на-Амуре, 1871 [2];

– «Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа» (1891) [3], автор которого – подполковник Генерального штаба Александр Францович Рагоза, служивший в ПВО с 1888 по 1891 гг.;

– Отчет военного министра генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина по поездке на Дальний Восток; описание военного хозяйства Николаевска-на-Амуре в 1903 г. [4, с. 51–53].

– Отчет ревизионной комиссии сенатора Глищинского, инспектировавшей Приамурский военный округ в 1910–1911 гг.;

– особый интерес представляет том, посвященный анализу деятельности в ПВО военно-инженерного ведомства и войсковых строительных комиссий. В этом томе содержатся акты осмотра буквально всех построек, принадлежащих военному ведомству в Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Раздольном, Спасске и прочих пунктах дислокации дальневосточных гарнизонов [5].

Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России исследовано в кандидатской диссертации И.С. Рудакова (Хабаровск, 2009) [6]. Русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг. посвящена докторская диссертация Р.С. Авилова (Владивосток, 2023) [7].

Чныррахская крепость периодически попадала в сферу внимания хабаровских историков архитектуры (Н.П. Крадин, М.Е. Базилевич) [8], а в 2021 г. в издательстве ТОГУ (Хабаровск) вышла монография М.И. Горновой [9]. Деятельность Леонтьева на посту Приморского областного архитектора (1859–1864) рассматривалась М.Е. Базилевичем [10].

По запросу «основание Николаевска-на-Амуре» нейросети выдают обширный список англоязычных академических штудий, посвященных в основном Амурской экспедиции Г.И. Невельского и проблемам коренных обитателей Нижнего Амура, однако работы зарубежных авторов, раскрывающие архитектурно-градостроительные аспекты восточных форпостов Российской империи, ИИ не находит, что свидетельствует о крайней незначительности публикаций на эту тему.

Методика исследования строится на сопоставлении в исторической последовательности текстовых и графических материалов, выявленных в архивах с фотофиксациями 1870–1920-х гг. и свидетельствам современников.

Что касается натурных обследований Николаевска-на-Амуре, проведенных автором, то они дали немного, так как в 1920 г. город был полностью сожжен отрядом Тряпицына. От деревянной исторической застройки ничего не осталось, и реконструировать аутентичный облик Николаевска можно только по историческим документам. «Николаевский инцидент» 1920 г. имел далеко идущие последствия, вплоть до нападения Японии на Хабаровск и оккупации Сахалина. В культурном ландшафте русского Дальнего Востока до сих пор сквозит зияющая пустота на месте старейшего города Приамурского края.

Географические рамки исследования – Нижний Амур и г. Николаевск-на-Амуре; хронологические – 1850–1914 гг.

На основе анализа перечисленных источников предлагается выделить несколько этапов развития и стагнации Николаевска-на-Амуре.

1850–1855 г. – эпоха фронтира. В течение 5 лет на Нижнем Амуре, на восточном побережье Татарского залива и на западном побережье Сахалина создается сеть из 10 опорных пунктов с центром в Николаевском посту, воплощающая пространственную стратегию Невельского.

1856–1871 гг. – расцвет Николаевска, связанный с переводом туда Петропавловского порта и получением статуса города (1856). После заключения Пекинского договора (1860), подтверждающего условия Айгунского договора (1858) о передаче России Нижнего Приамурья, Николаевск превращается из военного поста в торгово-административную столицу вновь образованной Приморской области. Этот этап подробно задокументирован, в 326 фонде РГАВМФ есть масса графического материала: карты, генпланы развития города, проекты казарм и проч. Летом 1859 г. А.В. Вышеславцев написал для «Русского вестника» корреспонденцию о Николаевске эпохи больших надежд. Сопоставляя впечатления Вышеславцева с деловой перепиской М.О. Леонтьева, занимавшего в 1859–1864 гг. должность Приморского областного архитектора, и фотоальбомом В.В. Ларина 1871 г. можно реконструировать образ города.

1872–1900 гг. – стремительный упадок Николаевска, связанный с переносом порта во Владивосток (1872), переездом губернатора в Хабаровск (1880) и стагнацией.

1900–1904 гг. – новый подъем гарнизонного строительства, на фоне общей активности военного ведомства в ПВО. «В результате ряда факторов (постройка КВЖД, присоединение к России Квантунской области, занятие Манчжурии) численность войск ПВО резко выросла и достигла 115 000 человек» [4, с. 8]. Потребовалось срочное расширение казарменного фонда. В отчете военного министра Куропаткина описывается состояние военного хозяйства Николаевска [4, с. 140–150] в 1903 г.

1905–1914 гг. – интербеллум. После потери Порт-Артура у России на Тихоокеанском побережье осталось только два порта, заслуживающих внимания в военном отношении, – Владивосток и Николаевск. В ожидании нового нападения неприятеля, ударными темпами ведется модернизация Чныррахского укрепрайона. В это же время контроль над строительными процессами по заказу военного ведомства переходит от Окружного инженерного управления к петербургской Казарменной комиссии, инициирующей организацию войсковых строительных комиссий на местах, что резко повышает скорость и качество гарнизонного строительства. Состояние всех построек военного ведомства Николаевска и Чныррахской крепости описаны в актах ревизии Глищинского от 11 и 12 августа 1910 г. [5, с. 345–355]. Подробнее о проблеме обороны низовьев Амура в 1906–1914 гг. можно прочитать в статьях Р.С. Авилова в сборнике Томского университета (2017).

1. ***От форта к порту.*** В 1855 г. у Николаевского (1850) и Мариинского (1853) постов были схожие шансы на развитие. В Мариинске (сообщавшемся системой озер и проток с бухтой Де Кастри) находилась ставка контр-адмирала Г.И. Невельского, в Николаевске – ставка героя Петропавловской обороны контр-адмирала В.С. Завойко. Мариинск, расположенный в лабиринте амурских проток на берегу озера Кизи, был более защищен от шквальных зимних ветров и от возможных демаршей вражеских эскадр. Николаевск, основанный в 46 км от устья Амура, был удобней для навигации. Последнее обстоятельство сыграло решающую роль, и Николаевский военный пост был «возведен на степень областного города». Вышеславцев оказался свидетелем завершения передислокации Мариинского гарнизона в Николаевск: «при мне из Мариинска переводили в Николаевск казармы: их разобрали, из бревен наделали плотов, на плоты посадили живших в казармах со всем имуществом и пустили по течению» [1, с. 273]. Похожий процесс сплава по р. Сунгари и р. Амуру разобранных бараков из Харбина в Хабаровск описан в отчете ревизии Глищинского, вероятно, это была обычная практика оптимизации казарменного строительства на основе срубов.

В протоколе ревизии сенатора Глищинского от 11.08.1910 г. приводится описание осмотра «очень старой деревянной казармы», вероятно – реликта раннего этапа застройки Николаевского поста: «стены выпучены, нижние венцы сильно подгнили, прогоны, стойки и балки прогнулись и осели. Деревянная крыша неудовлетворительна. Печи без футляров, находятся

в плохом состоянии. Здание предложено к сносу» [5, с. 346]. Так же неодобрительно упоминаются «старые деревянные одноротные казармы», которые «расположены на отдельном участке, находятся в неудовлетворительном состоянии и поражены домовым грибком» [5, с. 347].

2. ***Столичный Николаевск***. Получив городской статус и функции столицы Приморской области, Николаевск «с 1855 г. за два года (к 1857 г.) из нескольких существовавших тогда домиков превратился в большое село, растянувшееся на 1,5 версты по берегу и в котором насчитывалось тогда уже до 200 частных домов» [3, с. 79].

Николаевск был первым русским городом, который в мае 1859 г. увидел Вышеславцев, возвращавшийся из двухгодичного кругосветного путешествия. Возможно, этим обстоятельством объясняется приподнятый тон журналиста: «Наконец вдали показались красные крыши домов, высыпавших по пригорку, и знакомая нам архитектура пятиглавой церкви, венчающей почти все города и местечки нашей обширной России. На город, очень веселый издали, напирал со всех сторон сплошной лес, сначала зеленеющий, потом синею массой всходящий на высокие дальние горы, украшающие ландшафт» [1, с. 273]. Это описание в точности соответствует акварели Ф.Г. Баганца 1860 г.

Вышеславцев один из немногих путешественников, которому вид Николаевска показался «веселым». На А.П. Чехова, прибывшего в Николаевск через 30 лет (05.07.1890) по дороге на Сахалин, город произвел противоположное впечатление: «Близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем… почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа» [11, с. 41].

Приведем еще несколько цитат из очерка Вышеславцева 1859 г.: «По деревянной лестнице поднимаетесь на гору, сейчас перед вами гауптвахта и довольно большое пустое место, – площадь сказал бы я, но оно будет площадью только тогда, когда по нем можно будет ходить безопасно. Николаевские остряки называют это место Piazza de ipnelli, производя последнее слово от пней, лежащих и разбросанных в картинном беспорядке». «Около самого губернаторского дома, перпендикулярно к главной улице, идет другая, столько же чистая, но более официальная. Всю правую ее сторону занимают сначала казармы, низкие, длинные флигеля, потом госпиталь, снаружи очень похожий на казарму; там аптека, еще какое-то официальное место, через окна которого видны блестящие ружья и каски; за официальным местом идут пеньки, уходящие вдаль, к самому лесу».

Из этих цитат видна скорость расширения Николаевска – прямо по свежим вырубкам закладывалась градостроительная структура новой восточной столицы.

Трансформацию Николаевского военного поста в главный порт Тихоокеанской России можно реконструировать по двум источникам:

– коллекции генпланов 1854–1869 гг.[4];

– проектам и документам (переписки, отчеты, рапорты), подписанным областным архитектором М.О. Леонтьевым[5]. Генпланы отражают видение будущего города, транслируемое из С-Петербурга, отчеты городского архитектора и полицмейстера – городские реалии 1860–1862 гг.

Говоря о Леонтьеве, М.Е. Базилевич (вслед за Н.П. Крадиным) называет его Павлом Васильевичем [8]. В переписке, хранящейся в РГИА ДВ, документы подписаны «архитектором М.О. Леонтьевым». Оставим выяснение истины будущим историкам архитектуры.

На рис. 1 представлен проект той самой гауптвахты, о которой упоминает Вышеславцев («Гауптвахта отличается отъ всех другихъ гауптвахтъ темъ, что на платформе вывешиваются иногда, для просушки, меха, назначенные для кабинета»). Заметна попытка архитектора, полу-

чившего образование в Москве, воспроизвести классицисткий канон уходящей Николаевской эпохи. Дорический портик со спаренными колоннами и треугольным фронтоном, приставленный к избе-пятистенку, производит щемящее впечатление.

10.10.1860 г. военный генерал-губернатор Приморской области обратился к архитектору М.О. Леонтьеву с просьбой о плане города «для предоставления его от меня генерал-губернатору Восточной Сибири». На помощь Леонтьеву исправляющий должность командира Сибирской флотилии и заведующий лоцманской и маячными частями в портах Восточного океана командировал топографа Титова.

Леонтьев с похвалой отзывается о помощнике: «Несмотря на неудобное время, план топографом Титовым составлен со всею аккуратностью, поспешно и очень искусно, в соответствии с натурой, что, по-моему, доказывает ревность Титова к исполнению нашего поручения. Ходатайствую о награждении». Титову за труды было выдано 75 р.[6].

На рис. 3 – проект прапорщика Титова, подкупающий лаконичностью.

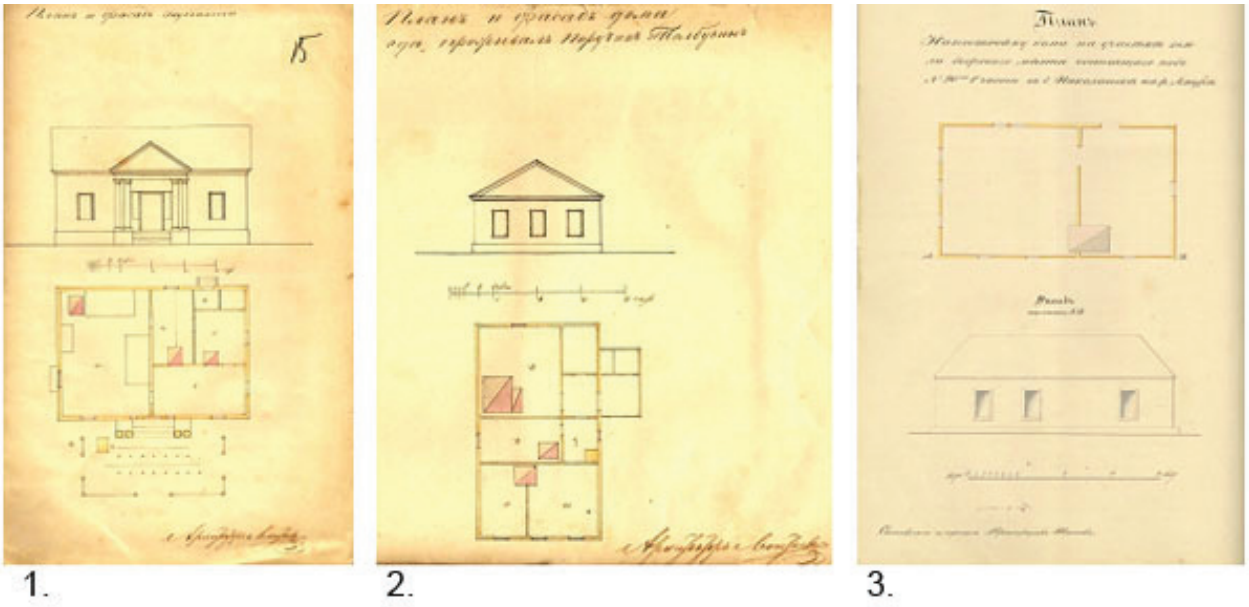

Рис. 1–3. Проекты областного архитектора Леонтьева. Николаевск-на-Амуре:
1. План и фасад гауптвахты – РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 387. Л. 15;
2. Дом поручика Толбузина – РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 387. Л. 14;
3. Проект дома для участка № 90. Николаевск-на-Амуре, подписанный помощником архитектора Леонтьева, прапорщиком Титовым – РГАВМФ. Ф. 326. Д. 422. Л. 145 об.

М.Е. Базилевич пишет о корректировке Леонтьевым генплана 1859 г., разработанного департаментом Морского министерства, «основу которого составила регулярная сетка улиц, расположенных параллельно и перпендикулярно береговой полосе. Все портовые сооружения предполагалось разместить на мысе Куэгда, а жилые кварталы планировались вдоль берега. П.В. Леонтьевым была выполнена корректировка этого плана, в частности, архитектор уточнил следы существующих зданий и определил направления перспективной застройки. По замыслу П.В. Леонтьева, улицам, располагавшимся вдоль Амура, отводилась роль главных, парадных, а вдоль береговой линии планировались портовые сооружения и пристани торговых фирм. Следует отметить, что принцип регулярной планировки, заложенный первым генпланом Николаевска, был взят за основу проектировщиками военного ведомства при составлении последующих планов города» [10].

20 апреля 1962 г. Леонтьев в донесении Казакевичу упоминает «снятый мною с натуры городской план», где была «проведена прямая линия от дома г. Шефнера к дому иностранца Лян И,

отчего и улица сделалась немного уже» (речь идет о тяжбе по поводу сноса незаконно построенного сарая, где хранился выгружаемый товар)[7].

Из очень плохо сохранившегося и практически нечитаемого «Отчета архитектора Приморской области о работе по благоустройству г. Николаевска за 1861-62 гг.» [3, д.404] можно понять, что на тротуары по ул. Большой и Петропавловской (503 саженей из бревен в 6 вершков) было выделено 399 р. 50 коп., а на «мостики от дома Шмита и Булле по 1-му Проспекту до дома, принадлежащего Морскому ведомству» – 7 р.70 коп. Прилагаемые чертежи деревянных мостков подписаны все тем же Леонтьевым[8]. Вероятно, Николаевск настолько утопал в грязи, что «домовладельцы по Большой улице от моста к Чныррахy, подпоручик корпуса Штурманов Петров, капитан Урядов и офицеры Григорьев и Клепиха, согласны уплатить денег, сколько придется за мостик. Кроме того, следует еще «провести тротуар по участку, принадлежащему морскому ведомству от дома Шмитта-Буле к дому Петрова»[9].

Вышеславцев описывает «главную улицу, идущую параллельно с рекою, чистую, с деревянными мостками с одной стороны, так что гулять по ней можно с некоторым комфортом» [1, д. 273], из чего можно сделать вывод, что работы по благоустройству города начались минимум в 1859 г.

Постепенно решалась проблема с пнями, так поразившими журналиста. В докладе полицмейстера от 9.08.1865 г. сообщается: «На ассигнованные в нынешнем году в моё распоряжение деньги произведены под моим наблюдением следующие работы: Большая улица очищена от кореньев (от здания Портовой конторы до нового солёного магазина). Набережная перед Собором очищена от навоза и щебня и заровнена землёй, каковой работой занято было 116 рабочих. В тех местах, где от кореньев и грязи образовались ямы и выбоины (а это сплошь до 3-ей Амурской ул., а с того места тоже сплошь до дома рядового Васильева), улица по всему протяжению усыпана щебнем до дома, занятого подполковником Бабкиным. Всего щебня употребили на счет домовладельцев 11,5 куб. Около 3-й Амурской улицы прокопана через Большую улицу, в месте, где была более сильная топь, канава и покрыта новыми плахами, а сверху засыпано землей и щебнем. 1-я Амурская очищена от пней и кореньев до 3-го Проспекта. В конце улицы усыпаны щебнем (1,5 кубов). По обеим сторонам улицы выкопана вновь канава» и т.д.[10].

Сохранилось довольно значительное количество фотофиксаций Николаевска 1871–1910 гг. (прежде всего — знаменитый альбом Ларина [2]) и везде на фотографиях летнего города видны деревянные тротуары, мостки через канавы с оградками и выровненные широкие грунтовые дороги (рис. 4, 5). 4 5

4.

5.

Рис. 4, 5. Николаевск-на-Амуре. Первый проспект:
4. Обывательская застройка. Мост через русло речки и деревянные тротуары. Фото В.В. Ларина, 1871 г. [2];
5. Парадный фасад, сформированный «домами иностранных негоциантов», аккуратные деревянные тротуары. Судя по телеграфным столбам – фото более позднее [2]

Помимо стоимости деревянных тротуаров из приведенных документов проясняются две категории основных домовладельцев Николаевска – офицеры и иностранные подданные. Леонтьев упоминает «об отводе земли иностранцам для постройки», называя Отто Эше и николаевского купца 2-й гильдии Эдуарда Пицкера[11].

Вышеславцев подтверждает обилие иностранцев («В Николаевске есть несколько лавок, принадлежащих большею частью Американцам; товары приходят сюда большею частью из Сан-Франсиско и из Гон-Конга» [1, с. 275]) и упоминает Американский клуб, расположенный на Соборной площади. Описывая характер городской застройки, Вышеславцев отмечает, что «частные дома все, более-менее, похожие один на другой; резко отличаются между ними красивые здания американских негоциантов, составляющих один из главных элементов николаевской жизни» [1, с. 275]. Этот контраст хорошо заметен на фотографиях В.В. Ларина (рис. 4, 5). Кварталы обывательской застройки сплошь состоят из одноэтажных бревенчатых изб, вросших в землю и перекошенных морозным пучением. На красные линии выходят то торцевые, то боковые фасады, то огороды с ветхими сараями. Никакого декора, окна без ставень, многие крыши без труб, и значит, избы отапливались по-черному. (Кирпич для печей завозили по морю, и он был очень дорог). С этой привычной вернакулярной средой действительно резко контрастирует застройка Первого проспекта и Петропавловской улицы: двухэтажные «дома иностранных негоциантов», обнесенные щегольским штакетником, аккуратно обшитые тесом, крытые американским железом, выходящие на красные линии нарядными подъездами, ризалитами с мансардами, верандами и галереями на колоннах.

В коллекции чертежей по Николаевску-на-Амуре 1865–1870-х гг. из 326 фонда РГВМАФ автором статьи были выявлены десятки проектов различных гарнизонных и портовых сооружений, подписанных инженером подполковником Обручевым (рис. 6, 7). Упомянем некоторые: дом, занимаемый командиром портов; дом для чертежной канцелярии корабельного инженера (изба в три окна, обрамленных полуциркульными сандриками); квадратный в плане дом для помещения прислуги при Николаевском благородном собрании (главный фасад в три окна, окна оформлены прямоугольными сандриками); чертеж портового магазина для кораблестроительных материалов с верандой на всю дину фасада, на которую ведут пять лестниц; Н-образное в плане здание для механических мастерских и проч.

Трудно сказать, что из этих проектов было реально построено, но, изучая корпус чертежей, можно представить общий уровень профессионализма инженеров, работавших по заказу Военно-Морского ведомства. Чертежи, выполненные на осьмушках ватмана, отличаются прекрасным качеством, хотя и не претендуют на архитектурные изыски (от крестьянских изб их отличали только пририсованные над окнами сандрики). 6 7

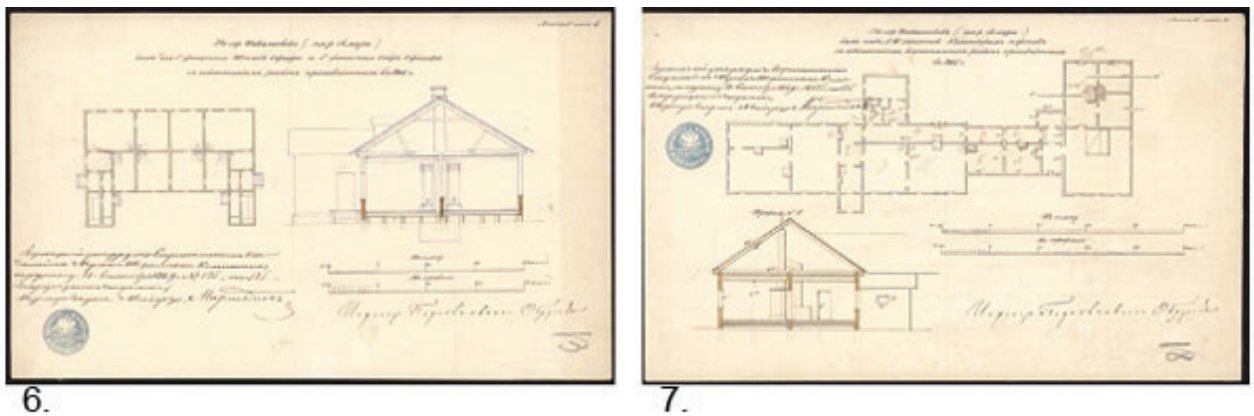

Рис. 6, 7. Проекты для Николаевска-на-Амуре, подписанные инженером подполковником Обручевым. 1865:
6. Дом для одного женатого штабс-офицера и одного женатого обер-офицера. – РГАВМФ. Ф. 326. Д. 7739;
7. Казарма для женатых нижних чинов. – там же. Д. 7746

3. ***Период упадка***. Благодаря своему стратегическому расположению, Николаевск-на-Амуре быстро стал одним из главных экономических центров на тихоокеанском побережье Российской империи, однако работу порта затрудняли песчаные отмели в устье Амура и морской лед. Комиссия под председательством генерал-адъютанта Сколкова была на два года командирована на Амур «для изучения на месте всех потребностей и нужд этого края. Ближайшим последствием действий этой комиссии было окончательное и бесповоротное решение вопроса о переносе Николаевского порта во Владивосток в 1872 г., … с этих пор Николаевск, имевший уже 3000 жителей и созданный не нуждами и требованиями народными, а исключительно необходимостью иметь на первое время в устье Амура хоть какой-нибудь порт, естественно начал клониться к упадку. В настоящее время (1891 г.) представляет из себя не более чем село, 1200 человек не считая войск. Если он не утерял до сих пор значение – лишь потому, что это единственно-удобный транзитный пункт для доставляемых морским путём в край товаров и грузов». [3, с. 128–129].

4. ***Николаевск в 1903 г. глазами военного министра.*** Краткие, но интересные сведения о Николаевске содержатся в отчете о поездке военного министра А. Н. Куропаткина на Дальний Восток в 1903 г. [4]. Куропаткин инспектировал ПВО с 24.04 по 26.05. 1903 г. Всего в ПВО было осмотрено: «33 батальона пехоты, 19 сотен, 13,5 батарей, 10 артиллерийских рот и 9 батальонов инженерных войск, т.е. 72% пехоты, 83 % конницы, 80 % – полевой артиллерии, 75 % инженерных войск и 100 % – крепостной артиллерии» [4, с. 15]. Судя по отчету, Куропаткин отличался излишним благодушием, в целом ему все понравилось, и заканчивал он свои путевые заметки оптимистичным заключением: «Молодые войска Приамурского округа могут с честью выдержать какое угодно боевое испытание» [4, с. 160] (напомним, что до начала Русско-Японской войны оставалось полгода).

Единственным местом, оставившим у министра неблагоприятное впечатление, оказался Николаевск: «офицеры и нижние чины несколько сумрачны. Заброшены. Надо оживить» [4, с. 48]. «Вообще вид людей во всех частях, расположенных в г. Николаевске, здоровый, но невесёлый и не особенно бодрый» [4, с. 46]. Говоря о смотрах и маневрах, проведенных в десятках проинспектированных гарнизонах, Куропаткин вынужден был признать, что «худшее впечатление оставила Николаевская крепость, но и здесь главная причина кроется в суровых местных условиях далекого и заброшенного Николаевска» [4, с. 153].

Добрый министр во всем пытался найти хорошую сторону, даже экстремальный климат Николаевска он описывает как суровый, но «здоровый»: «К концу мая устанавливается весна, быстро перейдет в лето, а во второй половине августа начинаются морозы» [4, с. 141].

Николаевский крепостной батальон (командир – полковник Козловский) был сформирован в 1900 г. В Николаевске в 1903 г. находились: Николаевский крепостной пехотный батальон (876 чел.), Амурская минная рота (86 чел.), Николаевская крепостная артиллерийская рота (247 чел.) [4, с. 15].

Оценивая казарменное расположение пехотного батальона, министр замечает, что оно «пока не обеспечено достаточно и разбросано. Две роты помещены в новых деревянных казармах, а две – временно занимают старые помещения» (впрочем, «заботливо содерживаемые»). Новые казармы, которые строились преимущественно китайцами, обошлись на роту по 38 000 рублей. «Жаль, что новые деревянные казармы не обшиты тёсом», огорчается Куропаткин, замечая тут же, что «в виду скученности деревянных построек необходимо завести пожарный инструмент» [4, с. 47]. «Казармы артиллерийской роты и минёров новые, просторные, содержатся в порядке, но несколько разбросаны. Пища у артиллеристов вкусная» [4, с. 47]. Посетив столовые, Куропаткин отметил, что «проба хлеба оказалась очень хорошей». Эти похвалы косвенно указывает на профессионально сложенные печи, что было весьма непростым делом.

С достройкой новой казармы и переводом туда 1 роты предполагалась реновация участка: снос ненужных старых построек, очистка территории батальона, ограждение с воротами. «Желательно, чтобы город уступил батальону тот небольшой плац, на котором происходил смотр войск» [4, с. 46] – из этого замечания следует, что у николаевского гарнизона не было изначального генплана с плацем.

Особо беспокоил министра вопрос обеспечения квартирами офицерских чинов: «За квартирные оклады сколько-нибудь приличной квартиры ни семейные, ни холостые офицеры снять не могут, им приходится расстраивать свой скудный бюджет и жить в помещениях, лишенных самого первобытного комфорта. Надо прийти на помощь офицерскому составу на Дальнем Востоке, тем более что нижние чины в большинстве стоянок помещаются чересчур роскошно, и кроме того, зачастую прекрасные казарменные помещения эксплуатируются не по своему назначению» [4, с. 85]. Вероятно, солдатские казармы показались министру «чересчур роскошными» на фоне обывательских лачуг с земляными завалинками.

Проинспектировав гарнизонный штаб, министр зафиксировал отсутствие карт окрестностей Николаевска с укреплениями, что довольно странно, учитывая большое количество прекрасно выполненных карт укреплений Нижнего Амура и Николаевска, найденных автором статьи в фондах РГВМАФ. Вероятно, карты отправлялись для отчета в Петербург. Куропаткин также отметил, что «вопрос об организации обороны устья Амура вовсе не разработан, причиной – неподчинение артиллерийской и минной роте командиру батальона, который, однако, при мобилизации назначается комендантом обороны» [4, с. 141].

Помимо прочего, министр упомянул, что «большой вред местным постройкам причиняет грибок. Им поражены старые постройки и значительное число зданий в городе» [4, с. 130]. Это была общая проблема для всего Приамурского края с заболоченными почвами и холодным сырым климатом.

В отличие от остальных гарнизонов ПВО, застроенных преимущественно краснокирпичными казармами, в Николаевске 1903 г., по свидетельству Куропаткина, «кирпичные здания не строят за неимением и дороговизной извести» [4, с. 130]. По итогам инспекции министр предложил ряд мер:

– Следует построить новую баню, а пока старую немедленно отремонтировать.

– Участки для лазарета и продовольственный магазин, лежащие рядом, надо разместить в общую ограду, разделив каждый, и отстоять берег реки, к которому эти участки примыкают.

– На реке устроить пристань [4, с. 130].

Министра поразило, что в старейшем дальневосточном гарнизоне до сих пор отсутствует полковой храм: «Надо для гарнизона построить церковь, так как во всем городе имеется лишь одна и то очень небольшая. Пока же можно поместить церковь в одной из трех строящихся столовых [4, с. 47]. Куропаткин полагал, что для нижних чинов, оторванных от Родины, посещение храмов Божьих является большой отрадой и утешением. «Да и в глазах китайцев, благолепностью и рачительным отношением к религии мы только возвысим свой престиж» [4, с. 50].

Куропаткин отметил, что все нижние чины Николаевского крепостного батальона «за самым малым исключением – уроженцы русских губерний. Служить им тяжело, но терпят» [4, с. 46]. Не зная, чем еще помочь мрачным николаевцам, министр посоветовал «послать сюда укомплектование из Сибиряков» [4, с. 49], вероятно, полагая, что «сибиряки», в отличие от «русских», легче переносят тяжелейший дальневосточный климат и оторванность от цивилизации.

6. ***Гарнизонная архитектура и состояние казарменного фонда Николаевска-на-Амуре,1900–1910 гг.*** В 349 фонде РГИВА содержится масса чертежей казарм, цейхгаузов, по-

роховых складов, магазинов, столовых и прочих гарнизонных построек для Николаевского пехотного крепостного батальона и гарнизона Чныррахской крепости, выполненных в 1900–1905 гг. в Хабаровске, где размещалась Амурская инженерная дистанция.

Многие чертежи подписаны военным инженером, подполковником Николаевым и завизированы начальником дистанции военный инженером полковником Моором (рис. 8). Оригинальностью эти проекты не отличаются, так как основываются на альбомах типовых чертежей, издававшихся Инженерным управлением. Однако следует принять во внимание, что в ПВО именно гарнизонная архитектура являлась основой культурного ландшафта.

Традиционно внимание историков архитектуры привлекали уникальные объекты или наследие мастеров с ярко выраженной индивидуальностью. Мы же предлагаем сместить ракурс от уникального к типовому, от индивидуального к общественному. Архитектурный объект/комплекс в этой оптике рассматривается как манифестация не личных амбиций заказчика, а государственных интересов. Именно типовые постройки «сшивают» рыхлую ткань империи, зияющую гигантскими пустотами.

Важнейшим источником информации о состоянии казарменного фонда Николаевска является отчет ревизии сенатора Антона Адамовича Глищинского [5], где зафиксировано состояние учреждений военного ведомства на Дальнем Востоке на 1911 г.

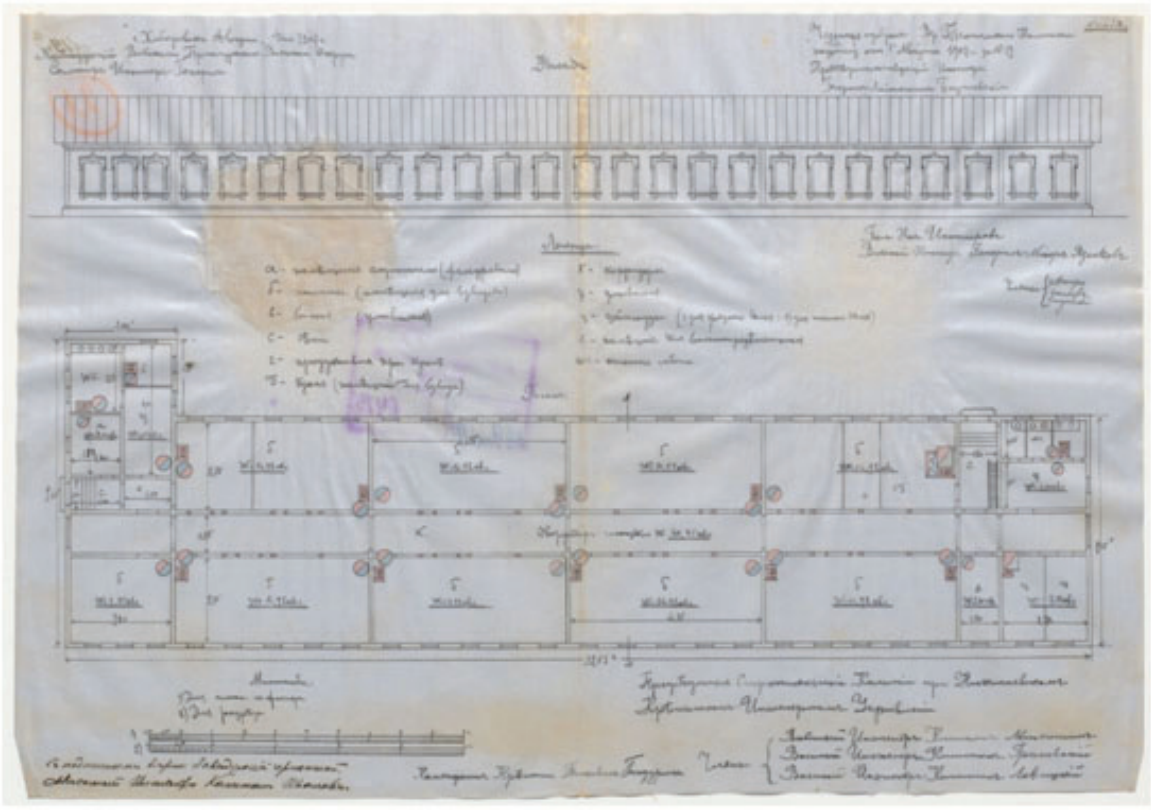

Рис. 8. Чертеж казармы для Николаевска-на-Амуре. Хабаровск, 1907 г. – РГВИА. Ф. 349. Оп. 19. Д. 6475

До Николаевска-на-Амуре добрались помощники сенатора: старший чиновник Поповский и младшие чиновники инженеры Ламагин и Витошинский. В четырех актах осмотра они подробно описали: 1) состояние построек, расположенных в районе Николаевского крепостного пехотного полка; 2) воинские здания на мысе Чныррах, 3) Николаевский временный госпиталь, расположенный по 1-му Чныррахскому проспекту, 4) строительство на мысе Чныррах 2-го николаевского крепостного продовольственного магазина.

Повторяя замечания Куропаткина, чиновники рапортовали, что «к числу недостатков в квартирном размещении Николаевского крепостного пехотного полка относится разбросанность занимаемых им зданий, малое количество хозяйственных построек, а также отсутствие квартир для всего офицерского состава полка» [8, с. 112]. Многие офицеры были вынуждены «нанимать квартиры в частных домах и жить в крайне неудобных условиях, так как в г. Николаевске не имеется почти более-менее удовлетворительных небольших квартир» [5, с. 112].

Заключение

В результате сопоставления 1) двух блоков проектов, выполненных по заказу Военного ведомства для Николаевска и Чныррахской крепости (чертежи 1865–1870-х гг. из 326 фонда РГАВМФ и чертежи 1900–1907 гг. из 349 фонда РГВИА); 2) информации из отчета военного министра Куропаткина [4] и ревизии Глищинского [5], можно выделить основные этапы развития гарнизонной архитектуры в Николаевске-на-Амуре: – ранний (начало 1860-х – начало 1900-х гг.), когда практически все постройки возводились из дерева; – переходный (1900–1905), когда началось строительство кирпичных казарм, но преобладало деревянное строительство; – завершающий (19071914), когда в связи с созданием Чныррахского укрепрайона велось активное расширение казарменного фонда. В этот период в районе Чныррахской крепости для 40-го Восточно-Сибирского полка строятся одноэтажные краснокирпичные казармы. На периферии исторического центра Николаевска появляется военный городок, где в строчном порядке расставлены двухэтажные казармы смешенного типа: первый этаж – кирпичный, второй – деревянный. Сопоставление выявленных в ходе архивных изысканий генпланов и проектов гарнизонных построек с описаниями очевидцев позволяют реконструировать процесс освоения новых территорий, присоединенных к Российской Империи в середине XIX в.

Примечания

[1] РГАВМФ. Ф. 326. Коллекция строительных чертежей. 1854–1869.

[2] РГВИА. Ф. 349. Оп. 19.

[3] РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Канцелярия военного губернатора Приморской обл. г. Николаевск-на-Амуре.

[4] РГАВМФ. Ф. 326. Коллекция строительных чертежей...

[5] РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Канцелярия военного губернатора Приморской обл. г. Николаевск-на-Амуре. Д. 347. 386.

[6] Там же, Д. 386. С.7.

[7] Там же, Д. 495.

[8] Там же, Д. 40. С. 85-90.

[9] РГАВМФ. Ф. 326. Коллекция строительных чертежей... Д. 404. С. 83.

[10] РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Канцелярия военного губернатора... Д. 386. С. 80.

[11] Там же, Д. 495.

Библиография

1. Вышеславцев, А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах / А.В. Вышеславцев. Изд. 2-е. – СПб. : [б. и.], 1867. – 592 с.
2. Ланин, В.В. Альбом Амура и Уссурийского края : том первый / В.В. Ланин. – Николаевск-на-Амуре, 1871. – 176 с. – URL: https://humus.livejournal.com/
3. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа / сост. Ген. штаба подполк. Рагоза ; по указанию командующего войсками Приамур. воен. окр. – Хабаровска : Тип. Штаба Приамур. воен. округа, 1891. – [6], 154 с.

4. Куропаткин, А.Н. Отчет военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 году : из дневников, веденных в пути. Ч. 1 : Осмотры войск, военных учреждений и заведений / А.Н. Куропаткин. – СПб. : Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1903. – [4], 154 с.
5. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению сенатором Глищинским ревизии учреждений и управлений Военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов : в 5 т. Т. 2 : Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. – СПб. : Гос. тип., 1911. – 474 с.
6. Рудаков, И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.С. Рудаков. – Хабаровск, 2009.
7. Авилов, Р. С. Русская армия на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи (1865–1904 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / Р.С. Авилов. – Владивосток, 2023. – 649 с.
8. Архитекторы и инженеры восточных окраин России второй половины XIX – начала XX века / М. Е. Базилевич, Н. П. Крадин, А. П. Иванова [и др.]. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2023. – 271 с.
9. Горнова, М.И. Амурская твердыня. Историко-ландшафтные исследования Николаевской-на-Амуре крепости, памятника фортификационного искусства / М. И. Горнова. – Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т (ТОГУ), 2021. – 325 с.
10. Базилевич, М.Е. Творческая деятельность дальневосточных зодчих – выпускников московской архитектурной школы (вт. пол. XIX – нач. XX в.) / М.Е. Базилевич // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 4 (45). – С. 89–101. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/05_bazilevich/index.php
11. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 14–15 : Из Сибири. Остров Сахалин / А.П. Чехов. – М. : Наука, 1978. – 931 с.

References

1. Vysheslavtsev, A.V. (1867) Sketches with pen and pencil from a circumnavigation in 1857, 1858, 1859 and 1860. 2nd ed. St. Petersburg. (in Russian)
2. Lanin, V.V. (1871) Album of the Amur and Ussuri region: Vol. 1. Nikolaevsk-na-Amure. Available at: https://humus.livejournal.com/ (in Russian)
3. A brief outline of the incorporation of the Amur region and the development of the military forces of the Amur Military District (1891). Khabarovka (in Russian)
4. Kuropatkin, A.N. (1903) Report on the trip to the Far East in 1903. Part 1. St. Petersburg. (in Russian)
5. Glishchinskiy (1911) The most humble report on the audit... of the Irkutsk and Amur military districts carried out in 1910. Vol. 2. St. Petersburg: Gos. tip. (in Russian)
6. Rudakov, I.S. (2009) Formation of the Amur Military District and its role in strengthening the defense capability of the Russian Far East. 1884-1917. Abstract of PhD thesis. Khabarovsk. (in Russian)
7. Avilov, R.S. (2023) The Russian Army in the Far East in the military policy of the Russian Empire (1865-1904). Doctor of Historical Sciences Thesis. Vladivostok. (in Russian)
8. Bazilevich, M.E., Kradin, N.P. and Ivanova, A.P. (2023) Architects and engineers of the eastern outskirts of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Khabarovsk: PNU Press. (in Russian)
9. Gornova, M.I. (2021) Amur Stronghold. Historical and landscape studies of the Nikolaevsk-on-Amur fortress... Khabarovsk: TOGU. (in Russian)

10. Bazilevich, M.E. (2018) Creative activity of Far Eastern architects – graduates of the Moscow architectural school... Architecture and Modern Information Technologies, No. 4(45), pp. 89–101. Available at: http://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/05_bazilevich/index.php .(in Russian)
11. Chekhov, A.P. (1978) Complete collection of works and letters. Vol. 14/15: From Siberia. Sakhalin Island. Moscow: Nauka. (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи
Иванова А.П. Гарнизонная и гражданская застройка Николаевска-на-Амуре. 1856–1910 гг. / А.П. Иванова, Т.О. Стельмакова //Архитектон: известия вузов. – 2026. – №2(94). – URL: http://archvuz.ru/2026_2/14/ – DOI: https://doi.org/10.47055/19904126_2026_2(94)_14

© Иванова А.П., Стельмакова Т.О., 2026

Лицензия Creative Commons
Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attrubution-ShareALike» («Атрибуция - на тех же условиях»). 4.0 Всемирная

Дата поступления: 05.03.2026
Дата рецензирования: 08.04.2026
Дата принятия к печати: 30.04.2026